

Социальная система Российской империи как предпосылка революции 1917 года

Шевкунов Георгий Александрович

Соискатель, sm1395@ya.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В настоящее время в исторической науке продолжает сохраняться представление о неизбежности революции 1917 года, глубинные причины которой коренились в сложившемся и сохранявшемся длительное время тяжелом положении основных трудящихся слоев дореволюционного российского общества, в закрытости дворянской элиты России и отсутствии в обществе социальных лифтов, позволявших выдвинуться представителям низших слоев населения. Целью данной работы является характеристика социальной системы Российской империи в начале XX столетия как фактора, влияющего на кризисное развитие общества. Для достижения этой цели дается характеристика положения различных слоев населения России, прежде всего крестьянства и рабочих, определяются тенденции развития дворянского сословия, раскрываются механизмы действовавших в тот период социальных лифтов. Важнейшим из них выступала сложившаяся в России к началу XX в. система образования, которая позволяла выходцам из различных слоев населения подниматься по социальной лестнице. Результаты исследования базируются на использовании факторного анализа, а также применении системного и компаративистского методов, позволяющих провести сравнение отдельных элементов социальной системы России с соответствующими слоями населения и институтами зарубежных стран. Исследование базируется на достижениях отечественных исторических исследований, обобщении и новом подходе к уже введенным в научный оборот источникам. Сделан вывод о невозможности объяснить кризисное развитие России в начале XX века исключительным действием факторов, определяемых социальной системой российского общества.

Ключевые слова

Революция 1917 года, Российская империя, социальная система, социальные лифты, дворянство, социальные слои.

Для цитирования

Шевкунов Г.А. Социальная система Российской империи как предпосылка революции 1917 года // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104. С. 95–106. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104-2024-95-106

Russian Empire's Social System as a Factor of the Russian Revolution

Georgy A. Shevkunov

PhD applicant, sm1395@ya.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

At present, historical scholarship continues to maintain the idea of inevitability of revolution of 1917, the deep causes of which were rooted in the difficult situation that had developed and persisted for a long time among the main working strata of pre-revolutionary Russian society, in the closed nature of the noble elite of Russia and the absence of social elevators in society that allowed representatives of the lower classes to advance. The aim of this work is to characterize the social system of the Russian Empire at the beginning of the twentieth century as a factor influencing the crisis development of society. To achieve this goal, a description of various segments of the Russian population, primarily the peasantry and workers, is given, trends in the development of the noble class are determined, and the mechanisms of social elevators operating at that time are revealed. The most important one was the education system that had been developed in Russia at the beginning of the twentieth century that allowed people from different backgrounds to climb the social ladder. The results of the study are based on the use of factor analysis, as well as the use of systemic and comparative methods, which make it possible to compare individual elements of the Russian social system with the corresponding segments of the population and institutions of foreign countries. The research is based on the achievements of domestic historical research, generalization and a new approach to sources already introduced into scientific circulation. It is concluded that it is impossible to explain the crisis development of Russia at the beginning of the twentieth century by the exclusive action of factors determined by the social system of Russian society.

Keywords

Revolution of 1917, Russian Empire, social system, social elevators, nobility, social strata.

For citation

Shevkunov G.A. (2024) Russian Empire's Social System as a Factor of the Russian Revolution. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 104. P. 95–106. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104-2024-95-106

Введение. Постановка проблемы

Начало XX века вот уже столетие привлекает к себе пристальное внимание и ученых, и публицистов, и просто размышляющих о судьбах российской цивилизации. И это не случайно. В это время российское общество столкнулось с одним из величайших кризисов в своей многовековой истории, поставившем социум на грань выживания. Причины этого кризиса активно обсуждались и обсуждаются в исторической науке, сохраняя свою актуальность и в настоящее время. В советский период по этой проблеме в отечественной историографии был достигнут «официальный консенсус», нашедший отражение даже в учебниках той поры. Каждый, получивший высшее образование в Советском Союзе, еще на первых курсах держал в руках «серый кирпич» — учебник «История Коммунистической партии Советского Союза», где уже в самом начале объяснялось: «Трудящиеся и эксплуатируемые массы — рабочие, деревенская беднота, крестьяне-середняки, ремесленники — составляли почти четыре пятых населения. И это огромное большинство народа угнеталось и поработалось кучкой помещиков и капиталистов, верным стражем которых был царизм» [История Коммунистической партии Советского Союза 1985, 12]. Тезис «об объективной неизбежности революции, о ее социально-экономических предпосылках» занял настолько прочное место в историографии, что академику И.И. Минцу пришлось даже одергивать исследователей из национальных республик, отыскивавших эти причины в каждом отдельном регионе страны [Минц 1967, 6].

Если к 50-летию революционных событий 1917 года отечественная историческая наука пришла достаточно консолидированной на основе марксистских подходов, то к 100-летию какого-либо единства явно не наблюдалось, хотя его необходимость и признавалась большинством исследователей. Обращение к эмигрантской и зарубежной историографии слабо помогало. Там в основном сохранялись трактовки предшествовавших десятилетий, на протяжении которых революция февраля 1917 года являлась «народной и либеральной», а октябрьские события толкали страну к «экономическому и политическому варварству» [Chinnella 2012, 21, 41]. «Демократический Февраль» все более противопоставлялся «Октябрьскому перевороту», лишенному звания революции. Предложенное по аналогии с Великой французской революцией наименование «Великая российская революция» так и не стало общепринятым. Сегодня сторонниками и коммунистической системы, и либеральных идей историческая неизбежность революции обосновывается необходимостью обеспечить обществу движение вперед.

В связи с этим большое внимание в исторической науке последних десятилетий уделялось проблемам состояния социальных слоев Российской империи. Особому рассмотрению традиционно подвергались наиболее широкие слои общества — крестьянство и рабочие [Государственная власть и крестьянство 2020; Koenker, Rosenberg 2016]. Специальные исследования проводились в отношении класса предпринимателей [Боханов 2023; Бессолицын 2020; Бессолицын и др. 2021] и среднего класса общества [Иванова 2018; Иванова и др. 2019]. Внимание уделялось и профессионалам-управленцам предреволюционных лет [Куликов 2004].

Несмотря на детальное изучение состояния отдельных социальных слоев Российской империи накануне революционных событий, проведенное в отечественной и зарубежной исторической науке, проблема их влияния на причины кризисных событий остается нерешенной. Это объясняется не столько недостаточностью источникового материала, введенного в научный оборот, сколько традиционными авторскими подходами к оценкам влияния социально-экономических факторов. Таким образом, целью работы выступает оценка влияния социальной системы России на возникновение кризисного развития в 1917 году. Для достижения этой цели автор базирует свое исследование на принципах историзма и объективности и использует методы

научного анализа, к числу которых относятся прежде всего системный и компаративистский методы и факторный анализ. Для достижения указанной выше цели важна характеристика элементов социальной системы, влияния социальных факторов на складывание революционной ситуации в российском обществе, обращение на новом уровне к уже опубликованным и введенным в научный оборот материалам. Начнем свой анализ с рассмотрения положения крестьянства, малоземелье которого прежде всего рассматривается как революционизирующий фактор.

Крестьянство

Выдающийся русский экономист профессор А.В. Чаянов, подводя итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года, констатировал, что почти 90% посевной площади в европейской части России были крестьянскими¹. А за Уралом, то есть во всей азиатской части России, в собственности крестьян находилось 100% пашенных земель. Император Николай II в ходе реализации столыпинской аграрной реформы в 1906 г. передал на нужды крестьян-переселенцев обширные «кабинетские» (то есть находившиеся в собственности российской короны) земли на Алтае.

Сельскохозяйственные земли в Российской империи по большей части принадлежали именно тем, кто на земле трудился. Для сравнения: в Великобритании процент земельной крестьянской собственности равнялся 13%. Все остальные земли принадлежали лендлордам и частным землевладельцам. Крестьянам-фермерам за аренду пахотных земель необходимо было платить [Огановский 1924, 100–101]. Уже в советское время, в 1928 году, профессор А.Н. Челинцев приводил следующие цифры: в собственности крестьян в 1916 году коров было 94,2%, лошадей — 93,8%, свиней — 94,9%, овец — 94,3% [Челинцев 1928, 10–11].

До 1917 года Россия была передовой сельскохозяйственной державой мира. С 1894 по 1917 год сбор зерновых по стране вырос в полтора раза. Например, Российская империя ежегодно собирала урожай зерновых, на треть превосходивший урожаи важнейших экспортеров зерна в мире — Соединенных Штатов Америки, Аргентины и Канады. Подсчет произведен по основным зерновым культурам России — пшенице, ржи, ячменю, овсу [Медведева 2013, 53]. По поголовью скота (в пересчете на крупный) Россия немного уступала США, но опережала 10 самых богатых стран Европы [Там же, 54]. Равным образом и по многим другим показателям Россия занимала лидирующие позиции в мировом сельском хозяйстве.

Средний размер крестьянского хозяйства в европейской части России — 4 десятины (4,4 га) [Там же] — в разы превышал наделы западноевропейских крестьян. А за Уралом земли у крестьянина было и того больше. Во Франции этот показатель составлял 2 га, в Германии — 1,8 га, в Италии — 1,1 га. Еще меньше земли было у японских крестьян. Известный российский публицист М.О. Меньшиков в 1902 г. писал: «Наша крестьянская “душа” умирает на четырех десятинах, а такая же японская душа процветает на пространстве в восемь раз меньшем, на полудесятине» [Меньшиков 2019, 401].

Настоящей проблемой было не малоземелье, а слабая механизация и низкая урожайность. В среднем русский крестьянин собирал с гектара 8 центнеров зерна. В Соединенных Штатах урожай были немногим больше — 10 центнеров с гектара; во Франции — 12. Не такая уж огромная разница, учитывая различие в климате, но вот в Германии собирали 21 центнер с гектара²: внедрялась техника, удобрения, достижения агрономии; за счет казны создавались парки сельскохозяйственных машин. Все эти меры были рассчитаны на годы вперед.

¹ По данным переписи 1916 г., в 49 европейских губерниях России из 71431 десятины посевных площадей 63744 десятины принадлежали крестьянам и 7687 — помещикам и прочим землевладельцам. См.: Огановский Н.П. Статистический справочник по аграрному вопросу / под ред. А.В. Чаянова. Вып. 1. Землевладение и землепользование. М.: Универс. б-ка, 1917.

² Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / отв. ред. А.П. Корелин. СПб.: Блиц, 1995. С. 80.

О реальной стабильности сельского хозяйства в предреволюционной России говорят не только картины поразительного изобилия, отраженного в живописи, литературе и на фотографиях того времени. О профессионально проработанной сельскохозяйственной политике царского правительства в период Первой мировой войны, когда на фронт было мобилизовано пятнадцать миллионов человек, свидетельствует тот факт, что серьезных проблем с продовольствием в Империи не было. А ведь воевать ушли в основном труженики-крестьяне. В Германии и Австро-Венгрии в это же время разворачивалась самая настоящая трагедия: там за время войны от голода умерло более миллиона человек³. Взрослый немец в тылу получал около 230 грамм печеного хлеба в день [Всемирная история 1960, 546] — меньше, чем рабочий в блокадном Ленинграде (250 граммов), вчетверо ниже прожиточного минимума.

Российская империя была единственной из стран — участниц затянувшейся Первой мировой войны, где в общегосударственном масштабе не вводились продовольственные карточки. Были, правда, ограничения (и то на местном уровне, без санкционирования центральной властью), например, на сахар. Но с единственной целью, чтобы не гнали самогон: с 1914 года в России действовал сухой закон. Жестких ограничений на продукты, какие действовали в основных воюющих странах и даже в нейтральной Швеции, в России не было [Миронов 2012, 577].

А что касается хлеба, недостаток которого вылился в выступления рабочих в феврале 1917 года, то, несмотря на кратковременные и загадочные перебои со снабжением в столице, к началу 1917 года запасы муки и зерновых в России составляли более 400 миллионов пудов. Этого с лихвой хватало на потребности и армии, и населения, да еще и избыток составлял 197 миллионов пудов [Китанина 1985, 219].

Рабочие

Вторым социальным слоем, активно участвовавшим в развитии кризиса 1917 года, были рабочие, традиционно относившиеся либеральной и революционной общественной мыслью начала века к угнетенным классам. Давайте познакомимся со свидетельством сына одного такого «угнетенного» простого петроградского рабочего.

Это свидетельство Алексея Николаевича Косыгина, выдающегося государственного деятеля Советского Союза, председателя Совета министров СССР. В конце 1960-х годов А.Н. Косыгин должен был выступать с докладом на очередном партийном форуме. В аппарате ЦК КПСС Косыгину подготовили тезисы. Из них Алексей Николаевич с изумлением узнал, что советский рабочий сегодня живет в восемь раз лучше, чем рабочий в Российской империи в 1913 году. По воспоминаниям близких, Косыгин был, мягко говоря, удивлен. В семейном архиве хранилась расчетная книжка его отца Николая Ильича Косыгина — токаря на петроградском заводе № 1 акционерного общества «Г.А. Лесснер». Что же в ней было зафиксировано? За январь 1917 года токарь Косыгин заработал 146 рублей. За февраль — 190 рублей, за март — 171 рубль. Дальше в таблице идут суммы выше трехсот и даже четырехсот рублей, правда, они относятся уже к периоду инфляции послереволюционного времени. Как же можно было существовать в Петрограде перед революцией на такие деньги? Семья Косыгиных жила только на зарплату отца, мать не работала. Они занимали трехкомнатную квартиру на Большой Вульфовой улице на Петроградской стороне (ныне улица Чапаева), очень неплохой район, дом хороший. Детям дали отличное образование. У Косыгиных была прислуга. Хотя семья токаря не шиковала, но жилище было обставлено добротной мебелью. Косыгины могли позволить себе качественное питание, хорошую одежду, обувь. А по воскресеньям всей семьей ходили в театр.

³ От голода и недоедания за время войны в Германии умерло около 760 тысяч человек. См.: Первая мировая война: Энциклопедический словарь / рук. проекта акад. А.О. Чубарьян. М.: Весь мир, 2014. С. 27.

Глава советского правительства заявил домашним, что ему, Алексею Николаевичу Косыгину, недостает воображения, чтобы представить себе советского рабочего, зарабатывающего в 1970 году в восемь раз больше, чем его отец в дореволюционном 1913 году [Андриянов 2004, 12–13]. Разумеется, предложенный отделом ЦК бред Косыгин вставлять в свой доклад не стал.

Такое положение рабочего было характерно не только для столицы, но и для провинции. В качестве примера приведем воспоминания о своей молодости другого советского лидера — Никиты Сергеевича Хрущёва. В воспоминаниях, изданных в постсоветское время, Н.С. Хрущёв сообщал: «В том районе Донбасса, где я трудился [слесарем на шахте в Юзовке — *Г. Ш.*], до революции жили лучше, даже значительно лучше. Например, в 1913 году я лично был обеспечен материально лучше, чем в 1932 году, когда работал вторым секретарем Московского комитета партии» [Хрущёв 2016].

Никита Сергеевич нередко предавался подобным воспоминаниям. Рассказывают, что в 1959 году он был с визитом в Соединенных Штатах Америки. В Голливуде, на киностудии 20th Century Fox устроили ланч в его честь. Видимо, прием был весьма радушным, потому что Никита Сергеевич вдруг выдал следующее ошеломительное откровение: «Я женился в 1914-м году двадцати лет от роду. Поскольку у меня была хорошая профессия (слесарь), я смог сразу же снять квартиру. В ней были гостиная, кухня, спальня, столовая. Прошли годы после революции, и мне больно думать, что я, рабочий, жил при капитализме гораздо лучше, чем живут рабочие при советской власти. Как слесарь, в Донбассе до революции я зарабатывал 40–45 рублей в месяц. Черный хлеб стоил 2 копейки фунт (400 граммов), а белый — 5 копеек. Сало шло по 22 копейки за фунт. Яйцо — копейка за штуку. Хорошие сапоги стоили 6, от силы 7 рублей. А после революции заработки понизились и даже очень; цены же сильно поднялись» [Романов, 2017, 11]. Судя по всему, так это и было, поскольку в воспоминаниях Н.С. Хрущёва эта тирада повторена почти буквально [Хрущёв 2016, 692, 667].

Жила в Москве в середине прошлого века Народная артистка СССР А.А. Яблочкина. Играла она на сцене Малого театра около семидесяти лет, а родилась за полвека до революции. В середине 1950-х годов выдающийся советский постановщик Б.А. Покровский присутствовал на интервью А.А. Яблочкиной французской газете «Фигаро», в ходе которого актриса, отвечая на вопрос журналиста об уровне жизни в будущем коммунистическом обществе, сказала: «При коммунизме будет почти как при Николае Втором»⁴.

Безусловно, не стоит впадать в крайности и идеализировать предреволюционную эпоху. Еще в самом начале XX века положение значительной части рабочих было объективно тяжелым. Многие жили в бараках, ютились в убогих каморках. Но после бурных революционных событий 1905 года, перепугавших и правительство, и предпринимателей, после продуманных и действенных реформ, предпринятых властью, ситуация с каждым годом разительно улучшалась. По ситуации на первый послереволюционный 1918 год рабочие жили: на предпринимательских квартирах (то есть предоставленных работодателем, чаще всего бесплатно) — 23,8%; в своем доме или в доме своей семьи — 30,4%; в бесплатных квартирах — 7,5%; на съемных квартирах — 38,3% [Кириянов 1979, 236–242].

В 1901 году в России появились профсоюзы, а в 1906 император Николай II утвердил «Временные правила о профессиональных обществах». В 1912 году было введено обязательное страхование рабочих от болезней и несчастных случаев. Это произошло раньше, чем в Англии и Соединенных Штатах Америки. Поразительно, но при этом количество активно протестующих

⁴ Овсянникова А. Мы их хорошо знали. Вспоминая Александру Яблочкину и Бориса Покровского // Страстной бульвар, 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strast10.ru/node/4105> (дата обращения 04.04.2024).

в России — забастовщиков, стачечников, демонстрантов — было на 1916 год почти в семьдесят раз больше, чем в Германии [Миронов 2012, 577]. Это вряд ли можно объяснить только объективными условиями существования рабочих до революции. Активными участниками протестов выступали работники элитных оборонных заводов, зарплаты которых были сопоставимы (например, на Путиловском заводе) с зарплатами их коллег, скажем, во Франции или Германии [Струмилин 1966].

Дворянство

Ну, а что же было на верху социальной пирамиды? Как это ни странно звучит, но гораздо больше в социальном плане в течении XIX столетия теряло дворянство, лишаясь своих сословных привилегий. В самом начале XIX века ими было утрачено исключительное право владения землей. В 1861 году отмена крепостного права не только дала личную свободу крестьянам, но и лишила дворян привилегии на владение крепостными. Права формирования уездной полиции они лишились в 1862 году, а спустя два года и монополии на местное управление. Распространение права на освобождение от телесных наказаний на другие сословия лишало дворянство и этой особой привилегии. В 1864 году судебная реформа означала утрату дворянами особых прав на собственный суд, а введение спустя десять лет всеобщей воинской повинности лишило дворян привилегий и на военной службе. Замена подушного обложения всесословным подоходным налогом уничтожала преимущества дворянства и в этой важнейшей сфере государственной жизни. Как справедливо заметил С.В. Волков, «с последней четверти XIX в. практически все особые сословные права дворянства были ликвидированы, и последние 40 лет существования империи оно продолжало оставаться высшим сословием только по формальному статусу и общественному престижу» [Волков 2021, 208].

Но может быть, помещичье землевладение продолжало иметь важное значение для социально-экономического развития страны? Если сравнить число помещиков первой трети XIX века с предреформенным периодом, то их число сокращалось: с 72 тыс. в 1833 году до 65,5 тыс. в 1858. И это происходило до крестьянской реформы 1861 года. После отмены крепостного права сокращение дворянского землевладения стало еще заметней. Если перед реформой помещики в дворянском сословии составляли 63%, то к концу века (1897 год) их оставалось 29%, а к революции 1905 года — 22%. В такой же пропорции сокращалась и доля потомственных дворян среди помещиков: от 80% до 1861 года к 40% в 1895 году и до 30% в 1905 году. К революционному 1917 году дворяне потеряли более половины земли, которой владели накануне реформы 1861 года [Миронов 2003, 90; Корелин 1979, 61-62].

В составе всего населения дворянство составляло всего 1,5%, причем 0,98% приходилось на потомственных дворян и 0,52% — на личных дворян и классных чиновников [Корелин 1979, 42–43]. При этом эта цифра в 1,5% являлась относительно постоянной для всего XIX столетия. По сравнению с положением Европы, дворянство России являлось самым малочисленным привилегированным слоем.

На протяжении всего периода существования Империи шло постоянное обновление состава дворянства. Согласно данным губернских родословных книг, в начале XX столетия дворянские фамилии, которые могли доказать свою принадлежность к дворянству до конца XVII века, составляли чуть более четверти дворянских родов. При этом необходимо учитывать, что в эти книги не заносились лица, получившие потомственное дворянство и не имевшие недвижимости. С учетом этой категории дворян предполагается, что дворянские фамилии, возникшие в XVIII и XIX веках, должны составлять до 90% дворянских родов.

Постоянное пополнение дворянского сословия было необходимым в силу ряда факторов. Во-первых, этого требовало усложнения государственной службы. Во-вторых, значительная часть дворянства постоянно выбывала в результате военных столкновений. В-третьих, бурный рост численности населения России требовал расширения состава дворянства. При этом необходимо обратить внимание, что младенческая и детская смертность в дворянских семьях соответствовала средним показателям общества, а показатели брачности и детскости у дворян были ниже, чем у других сословий. При среднем показателе смертности в 35,9 человек на 1000 по стране этот показатель для дворян составлял 41. При среднем показателе брачности в 9,9 у дворян было 8,6. В 1903 году доля детей в дворянском сословии составляла 10,9% при этом показателе для всего населения России в 18,2% [Миронов 2014, 577–578].

Социальные лифты в Российской империи

Много в научной литературе и публицистике говорилось о том, что Россия являлась «дворянской империей». Действительно, верхний слой управленцев состоял из дворян. Но при этом мы должны учитывать два обстоятельства. Во-первых, существовавшая в Империи система государственной службы предусматривала еще со времен утверждения Петром Великим Табели о рангах переход в дворянское сословие («состояние») чиновников. И, хотя требования к этому переходу в дальнейшем ужесточались, сам принцип был неизменен. Получение гражданского чина IX класса и любого офицерского чина давало человеку личное дворянство. Потомственное дворянство получали на гражданской службе по достижению IV ласса (действительный статский советник) или VI класса (полковник) на военной службе. Было установлено даже специальное сословие штаб-офицерских детей для наследников личных дворян. До середины 1870-х годов к нему относились и дети тех, кто получил потомственное дворянство после их рождения. Во-вторых, дворянство давали и за особые заслуги перед государством, отмеченные получением орденов. В частности, из установленной постепенности наград для чиновников был исключен (до 1892 года) орден Святого Владимира 4-й степени. Им награждали по усмотрению императора. В начале XX века на реальное получение потомственного дворянства «за ордена» вне чиновной лестницы (награждение орденами связывалось с достижением определенных чинов) могли рассчитывать лишь Георгиевские кавалеры. За 1875–1896 годы утвержденными в правах потомственного дворянства оказались 39535 человек, из которых его получили по чинам 12741 человек и 26794 человека — по орденам [Корелин 1979, 41-44, 279, 303].

Из кого шло пополнение дворянского сословия? С.В. Волков проанализировал данные одной из родословных книг Московской губернии. Согласно его исследованию, из почти 1000 основателей дворянских родов 27,3% происходили из обер-офицерских детей, 21,9% — из духовенства, 10,1% — из детей иностранных подданных, 8,4% — из солдатских детей, 6,9% — из мещан, 6,4% являлись детьми купцов и почетных граждан, 6,2% — это сыновья канцеляристов, 3,9% — разночинцы, 1,6% — лица свободных профессий, 1,5% — дети низших почтовых и придворных служащих, 5,1% — другие податные социальные группы (в основном крестьяне), а 0,5% были «воспитанниками» (незаконнорожденными) [Волков 2021, 339].

Важным социальным лифтом в императорской России было получение образования. В первой половине XIX столетия образованные люди принадлежали почти исключительно к двум сословиям — дворянству и духовенству. По мере складывания системы образования возрастало значение и такой социальной группы, как профессура высших учебных заведений, являвшейся частью высшего чиновничества страны. Значительная ее доля завершала свою преподавательскую и научную карьеру в высоких генеральских чинах. Тем самым создавалась возможность вхождения

в элиту страны не только через военную, придворную и гражданскую службу в органах государственной власти. Это становилось особенно явным во второй половине XIX столетия. Культурная среда перестала быть исключительно дворянской. Эти изменения стали заметны в социальном составе российского студенчества, которое и являлось базой рекрутирования лиц для работы в сфере образования. В университетах доля студентов, вышедших из дворянского сословия, сократилась с 64,6% в 1863 году до 52% в 1900 году. В технических высших учебных заведениях доля дворян среди студентов в 1900 году была гораздо ниже — 36,1% [Там же, 214–215].

Схожую тенденцию мы наблюдаем и в составе учащихся средних учебных заведений. Если в гимназиях в 1863 году обучалось 73,1% детей дворян и чиновников, то к 1907 году их было 39,6%, а в 1914 году — 32,6%. В то же время рос удельный вес представителей других сословий. Например, если в 1907 г. в гимназиях обучалось 12,3% выходцев из крестьян и казаков, то в 1914 г. их доля выросла до 21,6%. При этом необходимо помнить, что гимназии являлись наиболее элитарными учебными заведениями той эпохи. В реальных и среднетехнических училищах доля дворянских детей серьезно уступала детям крестьян и казаков. В этих учебных заведениях в 1914 году дети дворян и чиновников составляли 22,6% и 10,7% соответственно, в то время как доля крестьянских детей составляла 32,1% и 44,3% соответственно. Наибольшей доля выходцев из крестьян и казаков была среди обучавшихся в учительских институтах и учительских семинариях — 72,5% и 78,6% [Там же, 214].

Все это свидетельствует о достаточно широких возможностях, которые имели выходцы из различных социальных слоев в дореволюционной России благодаря системе образования. Достаточно вспомнить имя классика социологии XX века Питирима Александровича Сорокина (1889–1968), писавшего заменившей ему мать тетке Анисье: «Я из простого деревенского парня стал ведущим ученым не только Европы, но и Америки» [Сапов 2013, 17].

Родиной П.А. Сорокина было далекое село Турья Яренского уезда Вологодской губернии, в 120 километрах от тогдашнего Усть-Сысольска (нынешней столицы Республики Коми Сыктывкара). Образование Сорокина началось с одногодичной церковно-приходской школы, затем он окончил Гамскую второклассную школу, в которой на пятерых учеников приходилось пять учителей. Затем обучался в церковно-учительской школе в деревне Хреново, окончить которую не удалось из-за связи Сорокина с революционным движением. С 1907 года он обучался на вечерних Черняевских курсах в Петербурге, где за 2 года сдал экстерном экзамены за 8 классов гимназии. Затем поступил в Психоневрологический институт, единственное в России учебное заведение, где профессорами М.М. Ковалевским и Е.В. Де Роберти читался самостоятельный курс по социологии. Но, проучившись год, П.А. Сорокин перешел на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1914 году с дипломом I степени, был оставлен при кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию и тогда же стал приват-доцентом кафедры социологии Психоневрологического института. В 1916 году сдал магистерский экзамен, и на март 1917 года была назначена защита магистерской диссертации [Сапов 2014, 6–15]. А далее в его судьбу вмешалась революция.

Для того, чтобы представить более завершенную педагогическую карьеру дореволюционной России, обратимся к судьбе представителя более старшего поколения, чем П.А. Сорокин. Речь идет об одном из крупных российских ученых конца XIX – первой трети XX века, специалисте по античной филологии, древнегреческой литературе, искусствоведе и историке Алексее Николаевиче Деревницком (1859–1943). Он родился в семье ассессора Полтавского губернского правления. Провел детство и обучался в гимназиях в Харькове и Белгороде, получив золотую медаль по окончании. В 1884 году завершил свое обучение на историко-филологическом факультете

Харьковского университета со степенью кандидата и был оставлен стипендиатом для двухгодичного приготовления к профессорскому званию по предмету греческой словесности. Еще до защиты магистерской диссертации стал приват-доцентом Харьковского университета. Свою магистерскую диссертацию «Гомерические гимны: анализ памятника в связи с историей его изучения» он защитил в Санкт-Петербургском университете (утверждена в декабре 1889 года). А через два года, в декабре 1891 года, получил степень доктора греческой словесности от Совета Харьковского университета за диссертацию «О начале историко-литературных занятий в Древней Греции». В 1892 г. он становится экстраординарным профессором Харьковского университета, а в следующем году переводится в Новороссийский университет. В Одессе А.Н. Деревницкий занимается не только наукой, но и становится администратором. В ноябре 1894 года он назначен деканом историко-филологического факультета Новороссийского университета, а в 1903–1905 годах был ректором этого университета. Осенью 1905 года он был назначен попечителем Казанского учебного округа. Его заслугой стало открытие Саратовского университета. С 31 декабря 1911 года А.Н. Деревницкий стал попечителем Киевского учебного округа, с октября 1915 года — Уфимского (Оренбургского) учебного округа. После Февраля 1917 года он вышел в отставку, переехал в Крым, где еще в 1907 году купил землю в Ялте [Непомнящий 2021, 189–246]. В Крыму А.Н. Деревницкий участвовал в организации Таврического (Крымского) университета. В 1918 году он избирается первым деканом историко-филологического факультета этого университета. В 1920 году советская власть закрывает факультет как «рассадник мелкобуржуазных элементов». После восстановления вуза Деревницкий работал профессором Крымского государственного университета имени М.В. Фрунзе (преобразованного в 1925 году в Крымский педагогический институт имени М.В. Фрунзе). В 1926 году известный в европейской научной среде А.Н. Деревницкий получил разрешение на научную командировку во Францию «за свой счет». В конце 1927 года при выборах директора института А.Н. Деревницкий организовал сопротивление предложенной Крымским обкомом ВКП(б) кандидатуре ассистента С.Т. Бобрышева, читавшего в вузе курс по истории ВКП(б) и обществоведению. За это А.Н. Деревницкий получил характеристику как «политический вдохновитель, организатор и вождь антисоветских элементов здешней профессуры». В начале 1930-х годов А.Н. Деревницкий ушел из института [Там же].

Эти примеры образовательного социального лифта отнюдь не означают, что движение в верхние слои общества было исключительно по научно-педагогической стезе. Они лишь подчеркивают существование возможностей, имевшихся в «дворянской империи», для продвижения наиболее талантливых выходцев из самых разных слоев населения.

Заключение

Тут возникает вполне закономерный вопрос: если мы наблюдаем столь успешное социально-экономическое развитие в предреволюционные десятилетия, то чем объяснить те революционные потрясения, которые пережила Россия в начале XX столетия? Или социальные и экономические проблемы находятся вне сферы влияния на возникновение революционных событий? Ответ на эти вопросы связан с осознанием влияния на общественное развитие не только долгосрочных социально-экономических тенденций и факторов, но и конъюнктуры, складывающейся в конкретные моменты, переживаемые обществом. Временные сложности и трудности, нередко возникающие в истории стран, в сознании их населения оцениваются как предел развития их социальных систем, за порогом которых прежняя жизнь выглядит невозможной и нежелательной. В этих условиях человеческий фактор приобретает решающее значение, а социально-психологические настроения людей мотивируют их на антиобщественные действия. Так складывались обстоятельства в феврале 1917 года.

Список литературы:

- Андриянов В.И. Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2004.
- Бессолицын А.А. Государство и съезды предпринимателей в России (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2020.
- Бессолицын А.А., Шапкин И.Н. Общественные организации России: интеллектуальный вклад в экономическую модернизацию (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РУСАЙНС, 2021.
- Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. М.: Проспект, 2023.
- Волков С.В. Элитные социальные группы и государственная служба в России. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2021.
- Всемирная История: в 10 т. Т. 7 (1870–1917 гг.) / под ред. Е.М. Жукова. М.: АН СССР, 1960.
- Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века / отв. ред. и сост. В.В. Кондрашин, А.И. Шевельков. М.: ИРИ РАН, 2020.
- Иванова Н.А. Формирование среднего класса в Российской империи конца XIX – начала XX в. Теория и конкретика. М.: ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2018.
- Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2019.
- История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. / руководитель авт. коллектива акад. Б.Н. Пономарев. М.: Политиздат, 1985.
- Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1979.
- Китанина Т.М. Война, хлеб, революция: продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917. Л.: Наука, 1985.
- Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России: 1861–1904: состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979.
- Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: П.А. Трибунский, 2004.
- Медведева Т.Н. Россия и мировое сельское хозяйство в 1913 г. // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. Т. 6. № 26. С. 52–55.
- Меньшиков М.О. Письма к ближним. Полное собрание в 16 тт. Т. 1. 1902. СПб.: Издательство «Машина времени», 2019.
- Минц И.И. История Великого Октября. Т. 1. Свержение самодержавия. М.: Наука, 1967.
- Мионов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Издательство «Вест мир», 2012.
- Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х т. Т. 1. СПб.: Изд. Дмитрий Баланин, 2014.
- Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2003.
- Непомнящий А.А. Восточный факультет: неизвестные страницы истории кривошедия. Саратов: ООО «Амирит», 2021.
- Огановский Н.П. Очерки по экономической географии СССР. М.: «Новая деревня», 1924.
- Романов Б.С. Николай II и Россия до 1917 года. Правда и мифы. М.: «Автор», 2017.

- Сапов В.В. В начале «Длинного пути» // Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 14–35.
- Сапов В.В. Жизнь и творчество П.А. Сорокина // Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы. СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2014. С. 5–43.
- Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1966.
- Хрущёв Н.С. Воспоминания: Время. Люди. Власть. В 2-х книгах. Кн. 2. М.: Вече, 2016.
- Челинцев А.Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. М.: Новый Агроном, 1928.
- Chinnella E. 1917: la Russia verso l'abisso. Pisa; Cagliari: Della Porta ed., 2012.
- Koenker D.P., Rosenberg W.G. Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton: Princeton univ. press, 2016.

References:

- Andriyanov V.I. (2004) *Kosygin*. М.: Molodaya gvardiya.
- Bessolitsyn A.A. (2020) *Gosudarstvo i s"yезdy predprinimateley v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The state and congresses of entrepreneurs in Russia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: IRI RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Bessolitsyn A.A., Shapkin I.N. (2021) *Obshchestvennyye organizatsii Rossii: intellektual'nyy vklad v ekonomicheskuyu modernizatsiyu (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Public organizations in Russia: Intellectual contribution to economic modernization (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: RUSAYNS.
- Bokhanov A.N. (2023) *Krupnaya burzhuaziya Rossii* [Russian big bourgeoisie]. Moscow: Prospekt.
- Chelintsev A.N. (1928) *Russkoye sel'skoye khozyaystvo pered revolyutsiyey* [Russian agriculture before the revolution]. Moscow: Novyy Agronom.
- Chinnella E. (2012) *1917: la Russia verso l'abisso*. Pisa; Cagliari: Della Porta ed.
- Ivanova N.A. (2018) *Formirovaniye srednego klassa v Rossiyskoy imperii kontsa XIX – nachala XX v. Teoriya i konkretika*. [Formation of the middle class in the Russian Empire at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. Theory and specifics]. Moscow: IRI RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Ivanova N.A., Zheltova V.P. (2019) *Soslovnoye obshchestvo Rossiyskoy imperii (XVIII – nachalo XX veka)* [Estate society of the Russian Empire (18th – early 20th centuries)]. Moscow: Novyy khronograf.
- Khrushchev N.S. (2016) *Vospominaniya: Vremya. Lyudi. Vlast'. V 2-kh knigakh. Kn. 2* [Memories: Time. People. Power. In 2 books. Book 2]. М.: Vechе.
- Kir'yanov Yu.I. (1979) *Zhiznenny uroven' rabochikh Rossii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Living standards of Russian workers (late 19th – early 20th centuries)]. Moscow: Nauka.
- Kitanina T.M. (1985) *Voyna, khleb, revolyutsiya: prodovol'stvennyy vopros v Rossii. 1914 – oktyabr' 1917* [War, bread, revolution: Food issue in Russia. 1914 – October 1917]. Leningrad: Nauka.
- Koenker D.P., Rosenberg W.G. (2016) *Strikes and Revolution in Russia, 1917*. Princeton: Princeton univ. press.
- Kondrashin V.V., Shevel'kov A.I. (eds.) (2020) *Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XIX – nachale XXI veka* [State power and the peasantry in the 19th – early 21st centuries]. Moscow: IRI RAN.
- Korelin A.P. (1979) *Dvoryanstvo v poreformennoy Rossii: 1861–1904: sostav, chislennost', korporativnaya organizatsiya*. [Nobility in post-reform Russia: 1861–1904: Composition, numbers, corporate organization]. Moscow: Nauka.
- Kulikov S.V. (2004) *Byurokraticheskaya elita Rossiyskoy imperii nakanune padeniya starogo poryadka (1914–1917)*. [The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914–1917)]. Ryazan': P.A. Tribunskiy.

- Medvedeva T.N. (2013) Rossiya i mirovoye sel'skoye khozyaystvo v 1913 g. [Russia and world agriculture in 1913]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*. Vol. 6. No. 26. P. 52–55.
- Men'shikov M.O. (2019) *Pis'ma k blizhnim: Polnoye sobraniye v 16 tt. T. 1. 1902* [Letters to fellows: Complete collection in 16 vols. Vol. 1. 1902]. Saint Petersburg.: Izdatel'stvo «Mashina vremeni», 2019.
- Mints I.I. (1967) *Istoriya Velikogo Oktyabrya. T. 1. Sverzheniye samoderzhaviya* [History of the Great October Revolution. Vol. 1. Overthrow of the autocracy]. Moscow: Nauka.
- Mironov B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Russia during the imperial period (18th – early 20 centuries)]. Vol. 1. Saint Petersburg.: Izd. Dmitriy Bulanin.
- Mironov B.N. (2012) *Blagosostoyaniye naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii: XVIII – nachalo XX veka* [Welfare of the population and revolutions in imperial Russia: 18th – early 20th centuries]. Moscow: Izdatel'stvo “Ves' mir”.
- Mironov B.N. (2014) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modern. V 3-kh t. T. 1* [Russian Empire: From tradition to modernity. In 3 vol. Vol. 1]. SPb.: Izd. Dmitriy Balanin.
- Nepomnyashchiy A.A. (2021) *Vostochnyy fakul'tet: neizvestnyye stranitsy istorii krymovedeniya* [Oriental faculty: Unknown pages in the history of Crimean studies]. Saratov: OOO “Amirit”.
- Oganovskiy N.P. (1924) *Ocherki po ekonomicheskoy geografii SSSR* [Essays on the economic geography of the USSR]. Moscow: “Novaya derevnya”.
- Ponomarev B.N. (ed.) (1985) *Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* [History of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: Politizdat.
- Romanov B.S. (2017) *Nikolay II i Rossiya do 1917 goda. Pravda i mify* [Nicholas II and Russia before 1917. Truth and myths]. Moscow: “Avtor”.
- Sapov V.V. (2013) V nachale «Dlinnogo puti» [At the beginning of the “Long Journey”]. In: Sorokin P.A. *Prestupleniye i kara, podvig i nagrada*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP·EN). P. 14–35.
- Sapov V.V. (2014) Zhizn' i tvorchestvo P.A. Sorokina [Life and work of P.A. Sorokin]. In: Sorokin P.A. *Ranniye sochineniya: 1910–1914 gody*. Saint Petersburg: Izd. Dom “Mir”. P. 5–43.
- Strumilin S.G. (1966) *Ocherki ekonomicheskoy istorii Rossii i SSSR* [Essays on the economic history of Russia and the USSR]. Moscow: Nauka.
- Volkov S.V. (2021) *Elitnyye sotsial'nyye gruppy i gosudarstvennaya sluzhba v Rossii* [Elite social groups and civil service in Russia]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, izdatel'stvo Universiteta Dmitriya Pozharskogo.
- Zhukov E.M. (ed.) (1960) *Vsemirnaya Istoriya: v 10 t. T. 7 (1870–1917 gg.)* [World's history: in 10 vol. Vol. 7 (1870–1917)]. Moscow: AN SSSR.

Дата поступления/Received: 29.04.2024